

На Кавказском фронте. Турецкое легкое орудие, забранное под Сарыкамышем. Щит пробит во многих местах осколками нашего снаряда.

вести германские войска, которые и так у немцев заняты на всех фронтах, ищутся лишь в обрѣзъ, и даже скорѣ их не хватать, ибо мы видимъ, что ни на западномъ фронтѣ ни на нашемъ немцы наступать не могутъ.

Въ силу этого немецкій генеральный штабъ остановился на единственномъ районѣ, гдѣ громадное протяженіе фронта допускаетъ различныя маневренныя комбинаціи, а именно—на австрийскомъ фронтѣ. Однако къ такому рѣшенію немцы пришли не сразу, и окончательно ихъ подтолкнули на новое рѣшеніе прибавившіе въ германскую главную квартиру настѣдникъ эрцгерцога и новый австрийскій министръ Буріанъ.

Эти лица, повидимому, вполне опредѣленно потребовали, чтобы австрийскія войска были избавлены отъ необходимости защищать Прусскую Силезію, а также пути къ ней черезъ Западную Галицію и Краковъ. Появленіе нашихъ войскъ на границѣ Трансильваніи, вызвавшее переходъ власти въ Австро-Венгрію къ венгерскимъ министрамъ, вполне ясно подразумевало, что войска двудеиной монархіи отнынѣ предназначаются для спасенія венгерской почовины государства.

Немецкій генеральный штабъ, хотя и раньше придерживалъ австрийскія войска на Надь для обороны путей въ Силезію, на этотъ разъ призналъ необходимымъ удовлетворить требованія венгерцевъ. Это тѣмъ оольше представлялось для немцевъ возможнымъ, что линія окоповъ, позведенная по всей Польшѣ и далѣе по Галиціи, вдоль Дунаица до самыхъ Карпатъ, уже болѣе или менѣе удовлетворительно прикрывала почти всю германскую границу. Слѣдовательно, австрийскія войска, находившіяся на линіи этихъ укрѣпленій, уже не такъ были нужны, и было рачетъ отпустить ихъ въ Венгрію.

Однако германскій генеральный штабъ выработалъ себѣ вполне опредѣленные отношенія къ своимъ союзникамъ, смыслъ которыхъ укладывается, какъ извѣстно, примѣрно, въ такой формулѣ: «союзники для Германіи, но не Германія для союзниковъ».

Эта общая формула при ея осуществленіи въ немецкой стратегіи выражается въ томъ, что союзники немцевъ обязаны всегда и всюду наступать, хотя бы эти наступленія были связаны съ ибрыми поражениями. Немецкій генеральный штабъ, какъ онъ полагаетъ, беретъ на себя главную задачу «разбить» противника, а союзники должны облегчать немцамъ эту задачу

На Кавказскомъ фронтѣ. Бѣженцы-греки, возвращающіеся послѣ поражения турокъ въ свои деревни.

и для этого своими непрерывными наступленіями оттягивать на себя часть неприятельскихъ войскъ.

Какъ мы видимъ, эта формула была наиболее безцеремонно проведена по отношенію къ Турціи, и турецкія войска были брошены въ безсмысленное наступленіе на Кавказъ только для того, чтобы отвѣчать часть войскъ и облегчить положеніе немцевъ въ Польшѣ. Отпуская австрийскія войска на территорию Венгріи, немцы однако ни въ коемъ случаѣ не могли мириться съ тѣмъ, что австрийцы будутъ обороняться на венгерской границѣ. Обороняющаяся Австро-Венгрія для немцевъ не нужна и, по мнѣнію немецкаго генеральнаго штаба, въ такомъ видѣ является извѣстной обузой, стѣсняющей свободу германскихъ операций, требующей постоянно поддержки и пр.

Въ силу этого австрийскія войска были возвращены на родину, но подъ обязательнымъ условіемъ вести наступленіе.

Сосредоточеніе австрийскихъ войскъ на венгерской территоріи не могло не вызвать всеобщаго вниманія. Немецкій генеральный штабъ понималъ, что новой перегруппировки войскъ, въ особенности такой, гдѣ въ Венгрію перемѣщается масса въ нѣсколько сотъ тысячъ человекъ, скрыть нельзя. Поэтому германскій генеральный штабъ, при помощи услужливаго печатъ, самъ оновѣстилъ о новомъ сосредоточеніи австрийцевъ въ Венгрію и поставилъ лишь скрыть истинныя намѣренія, связанныя съ этой новой перегруппировкой. Телеграммы, явно инспирированныя германскимъ генеральнымъ штабомъ, гласили, что австрийская армія собирается въ Венгрію, подготавливаясь къ новому походу на Сербію. Затѣмъ новыя телеграммы извѣстили, что эти войска сосредоточиваются не противъ Сербіи, а противъ Буковины, и наконецъ послѣднія телеграммы сообщали, что дѣло дѣло не въ Сербіи и не въ Буковинѣ, а вся операція имѣетъ цѣлью выручку

На Кавказскомъ фронтѣ. Турецкіе пулеметы, взятые нашими войсками подъ Сарыкамышемъ.

Перемышля, освобожденіе Львова и вообще возвращеніе утерянной Галиціи.

Въ томъ, что австрийцы не готовятся напасть на Сербію, можно было не сомнѣваться, невзирая ни на какія увѣренія изъ противномъ австро-немецкой печатъ. У австрийцевъ единкомъ заняты руки, слишкомъ много опасностей угрожаетъ имъ на главныхъ фронтахъ, для того, чтобы они могли отвлекаться второстепеннымъ театромъ—сербскимъ. Даже тогда, когда немцы наступали на Бауру, на австрийскому фронту, сравнительно, угрожалъ мало опасности, все же попытка австрийцевъ наступать въ Сербію немедленно вызвала «рикошетный ударъ» съ нашей стороны. Генералъ Потіорекъ вынужденъ былъ послать войска съ сербского фронта на нашъ, и это отчасти обусловило поражение австрийцевъ въ Сербию.

Такимъ образомъ оставались лишь единственно иброятныя пути для наступленія, это—Буковина, либо Галиція. Самымъ важнымъ въ данномъ случаѣ являлось то обстоятельство, что австрийцы сосредоточили въ Венгрію весьма большое число войскъ,

Прибытіе въ Петроградъ немцевъ-авиаторовъ (4 офицера и 3 матроса), которые съ дирижабля метали бомбы надъ Либавой и были взяты въ плѣнъ нашими баркасами въ морѣ (въ 1 1/2 верстахъ отъ берега) вмѣстѣ съ дирижаблемъ (гидропланомъ), подбитымъ нашими войсками и потопленнымъ въ морѣ. (См. «Отклики войны»).

почти такое же, какое у нихъ было при первомъ наступленіи въ Люблинскую и Холмскую губерніи въ августѣ мѣсяцѣ. Телеграммы сообщали также о перевозкѣ на австрийскій фронтъ еще и четырехъ германскихъ корпусовъ, но, какъ и слѣдовало ожидать, немцы такого большого числа войскъ австрийцамъ не дали, а ограничили, повидимому, однимъ-двумя корпусами.

Сосредоточеніе такого значительнаго числа войскъ, къ тому же пополненныхъ послѣдними резервами, какіе были только набраны изъ населенія Австро-Венгріи, означало, что Австрія намѣрена рискнуть послѣдней крупной ставкой. Австро-Венгрія бросаетъ почти все, что имѣетъ, въ новое наступленіе, и это приближаетъ почти окончательную развязку событій на австрийскомъ фронтѣ.

Изъ этого нетрудно видѣть, что новое австрийское наступленіе должно разрѣшить вопросъ о позиціяхъ Румыніи и Италіи, которыя естественно должны подготовиться къ весьма вѣроятному поражению послѣднихъ имѣющихся въ распоряженіи Австро-Венгріи войскъ. Какъ извѣстно, Румынія предполагала отложить свое выступленіе до болѣе теплаго времени, когда проходы въ Карпатахъ очистятся отъ снѣга и станутъ болѣе доступными. Новое наступленіе Австро-Венгріи поставило передъ Румыніей весьма серьезный вопросъ о немедленномъ занятіи этихъ проходовъ, что являлось одинаково необходимымъ и на случай поражения австро-венгерской арміи и на случай ея весьма сомнительнаго успѣха. И въ томъ и въ другомъ случаѣ Румынія, имѣя въ виду занятіе Трансильваніи, не могла отказаться отъ захвата проходовъ.

Такимъ образомъ непосредственнымъ результатомъ новаго австрийскаго наступленія, — этой послѣдней крупной ставки, на которую способна Австро-Венгрія, — явилось занятіе Румыніей проходовъ, т.-е. занятіе того стратегически выгоднаго положенія, которое допускаетъ занятіе Трансильваніи безъ всякаго труда.

Однаково началось усиленныя военныя мѣропріятія въ Италіи, которая также должна была приготовиться, въ виду наступающей равнянки на австрийскомъ фронтѣ, къ занятію Триента.

Таковы были первые политическіе результаты новаго австрийскаго наступленія. Стратегическое же значеніе этого наступленія обнаружилось съ первыхъ же дней новыхъ операций. Эти операціи, какъ видно изъ всѣхъ сообщеній штаба Верховнаго Главнокомандующаго, начались одновременно и на Карпатахъ и на совершенно противоположномъ концѣ длиннаго фронта—Баурѣ.

Такимъ образомъ стало ясно, что австрийцы ведутъ наступленіе черезъ Карпаты, въ направленіи на Перемышль и Львовъ, имѣя задачей: въ лучшемъ случаѣ—занятіе Галиціи, въ худшемъ случаѣ, какъ они полагаютъ, отвлеченіе войскъ изъ района Бауры, Ниды и Равки. Послѣднее, понятно, подразумеваетъ попытку немцевъ снова икнуться въ направленіи на Варшаву.

Въ итогѣ новая операція привела къ тому, что австро-немцы пытаются произвести въ духѣ мѣстахъ давленія: на Баурѣ, въ направленіи на Варшаву, и въ то же время—на Карпатахъ, въ направленіи на Львовъ. Въ зависимости отъ того, гдѣ наступле-

ніе будетъ имѣть болѣе успѣхъ, гдѣ должны быть быстро пересланы войска по густой сѣти желѣзныхъ дорогъ, для того, чтобы развить этотъ успѣхъ.

Немцы, конечно, надѣются на то, что австрийскія войска, наступая, выполнятъ ту задачу, которую вообще немцы и генеральный штабъ возлагаетъ на своихъ союзниковъ, т.-е. оттянуть войска отъ Бауры въ Галицію. И тогда, какъ нетрудно отгадать, весьма прощальныя намѣренія немцевъ, они попытается проскочить къ Варшавѣ. Однако то центральное положеніе, которое занимаютъ наши войска по отношенію къ дугѣ австро-немецкаго наступленія отъ Карпатъ до Бауры, даетъ намъ всѣ выгоды въ этомъ новомъ положеніи. Масса, дѣйствующая изъ центра по радиусамъ, имѣетъ всегда преимущество передъ разбросаннымъ по длинной дугѣ противникомъ.

Во всякомъ случаѣ, результаты этого новаго наступленія, гдѣ австрийцами брошены въ дѣло послѣдніе средства, должны быть огромны и въ политическомъ и въ стратегическомъ отношеніяхъ. Ни Варшавы, ни Львова они, конечно, не увидятъ,—зато позиціи Румыніи и Италіи станутъ совершенно опредѣленными въ тотъ моментъ, когда на Карпатахъ начнетъ таять снѣгъ и параллельно растаетъ австрийское наступленіе.

Англо-франко-русскій финансовый союзъ.

(Политическое обозрѣніе).

Старое изреченіе, что для войны нужны три вещи: деньги, деньги и деньги—находитъ полное подтвержденіе въ современной дѣйствительности. Германія начинала свои военныя приготовленія съ накопленія огромнаго золотого запаса, основой котораго послужила французская контрибуція 1871 г. Во время войны германское правительство старалось всѣмъ мѣрами изъять золото изъ частныхъ рукъ и сосредоточить его въ казнѣ. Въ результатѣ за шесть мѣсяцевъ войны германскій золотой запасъ увеличился почти на одну треть сравнительно съ его суммой въ началѣ войны. Если о финансовомъ и экономическомъ положеніи страны можно судить по размѣрамъ накопленнаго въ казенныхъ сундукахъ золота, то въ этомъ отношеніи несъ мѣръ должнъ заидо-

Колоколъ съ австрийскаго военнаго парохода «Тынецъ», затопленнаго австрийцами на рѣкѣ Вислѣ у города Сандомира и поднятаго старшимъ лейтенантомъ Б. Ю. Аверкеевымъ,—доставленъ въ Петроградъ на храненіе въ Морской Музей Императора Петра Великаго.

Кормовое украшеніе съ австрийскаго военнаго парохода «Тынецъ», затопленнаго австрийцами на рѣкѣ Вислѣ у города Сандомира и поднятаго старшимъ лейтенантомъ Б. Ю. Аверкеевымъ,—доставлено въ Петроградъ на храненіе въ Морской Музей Императора Петра Великаго.

вать Германии. Однако же в действительности запасы золота несколько не мѣняются. Германия чувствует острый недостаток въ мѣди и даже въ хлѣбѣ. На ней повторяется сказка о царѣ Мидасѣ, который принужденъ быть умереть съ голоду потому, что отъ его прикосновения все превращалось въ золото. Такой же мѣдный и хлѣбный голодъ переживаетъ теперь Германия, сидя на своихъ колоссальныхъ золотыхъ запасахъ. Притягательная сила ея золота, способность стягивать ею всѣ нужные продукты парализованы морской и сухопутной блокадой враждебныхъ державъ. Государства тройственного союза не окружены заколдованнымъ кругомъ. Моря и океаны, — мировые транзитные пути, — въ ихъ полномъ распоряженіи. Союзное золото свободно можетъ обмѣниваться на все, что нужно союзнымъ государствамъ для удовлетворенія ихъ военныхъ нуждъ, но, къ сожалѣнію, эти нужды столь громадны, что ранѣ сдѣланные запасы золота оказываются слишкомъ незначительными въ сравненіи съ неисчислимыми расходами небывалой по размѣрамъ и стоимости мировой войны.

О подробностяхъ будущаго займа въ печати не приводятся никакихъ точныхъ свѣдѣній. Мы считаемъ важнымъ отмѣ-

тить его не съ точки зрѣнія его техническихъ особенностей, которыя своевременно будутъ опфены специалистами финансовой науки, а съ точки зрѣнія необычайнаго роста международной солидарности. До сихъ поръ государства нерѣдко воевали вѣстѣ, но занимали деньги и платили долги врозь, по пословицѣ: „дружба дружбой, а табачокъ врозь“. Народная кровь цѣнилась меньше, чѣмъ золото. Но въ настоящей, совершенно исключительной по своему мировому значенію, войнѣ финансовая разрозненность угрожала и общимъ военнымъ интересамъ. Вотъ почему военный союзъ превратился въ союзъ экономическій и финансовый.

Галичане народные учителя, прибывшіе 8-го января въ Петроградъ на курсы русскаго языка, организованные при высшихъ женскихъ курсахъ М. А. Лохвицкой-Синаловъ. По фот. Я. Штейнберга.

Измайловскій лазаретъ Всероссийскаго Земскаго Союза помощи больнымъ и раненымъ воинамъ — въ память А. Ф. Мариса.

Казакъ изъ Техаса.

Разсказъ Бориса Мирскаго.

— Эди, Эди... иди сюда!.. скорѣй!.. Подучены газеты... слышишь? Германия объявила намъ войну... намъ... нѣтъ, ну, конечно, не Штатамъ... намъ — Россіи... и Австрія тоже... Мы будемъ воевать... Иди скорѣй... читай самъ...

Высокій крѣпкій старикъ съ цѣлой копной сѣдѣющихъ каштановыхъ волосъ стоялъ на крыльцѣ просторнаго деревяннаго дома и, держа въ рукахъ кипу свѣжихъ газетъ, звалъ сына. Молодой ковбой только-что прискакалъ къ воротамъ усадьбы: торопливо привязавъ коня, быстро пробѣжалъ дворъ, позвякивая ботинками мексиканскими шпорами, и, взойдя на крыльцо, углубился въ пачку газетныхъ листовъ, беспорядочно брошенныхъ на стулѣ.

— Неужели же это правда, отецъ? Война? Несчастная Сербія... они хотятъ раздавить ее. „Всеобщая мобилизація въ Россіи“... „Австрія бомбардируетъ Бѣлградъ“... „Нѣмцы вторглись въ Бельгію“... Боже мой, вся Европа воюетъ! „Японцы прервали дипломатическія сношенія съ Берлиномъ“... Даже японцы...

Сюда, въ заброшенный уголокъ Техаса, почта приходила — и то съ грѣхомъ пополамъ — разъ въ мѣсяцъ. И вотъ только теперь плотная пачка нью-йоркскихъ газетъ сообщила этимъ степнымъ отшельникамъ потрясающія новости мировыхъ событий.

Молодой ковбой продолжалъ читать, а старикъ, напряженно слушая каждое слово газетныхъ телеграммъ, смотрѣлъ куда-то вдаль, поверхъ остроконечнаго забора, какъ будто выискивая въ безконечной, какъ море, холмистой степи какіе-то далекіе, забытые отзвуки сжатыхъ строчекъ военныхъ извѣстій.

„Война... Россія... Нѣмцы заняли Калининъ“... — И старый ковбой уже не слушалъ о геройствѣ львскаго гарнизона, о подвигѣ люксембургской герцогини, о сербахъ, о нѣмецкихъ разгромахъ. Сынъ давно уже кончилъ читать газету, а старикъ, прислонившись къ деревяннымъ периламъ, все еще задумчиво смотрѣлъ въ синѣющую даль степныхъ сумерекъ.

Рождественскій вечеръ. Автомобильный отрядъ въ городѣ Радомѣ. По фот. нашего спеціального корреспондента.

II.

Жизнь Станислава Рушинскаго рѣзко всколыхнулась и надломилась въ самый неожиданный моментъ. Сначала все улыбалось молодому инженеру. Въ двадцать три года Рушинскій блестяще окончилъ институтъ путей сообщенія. Его проектъ „О примѣненіи электрической тяги на желѣзныхъ дорогахъ“ вызвалъ буквально бурю восторга въ совѣтѣ профессоровъ. Ему предлагали перейти къ профессурѣ, сулили блестящую научную карьеру, но молодого путейца не увлекла отвлеченная академичность теоретическаго знанія. Хотѣлось кипучей творческой деятельности, хотѣлось работать, потонуть въ лихорадочномъ трудѣ. И Рушинскій расстался съ институтомъ.

— Нѣтъ... не хочу... меня тянетъ работать, строить... Въ Россіи нужны инженеры... Вѣдь у насъ желѣзнодорожное дѣло только въ началѣ...

Старый директоръ съ неизменной звѣздой на камуфлетномъ мундирѣ, гордившійся, что чуть ли не на первомъ паровозѣ возилъ императора Николая I, только плечами покачалъ.

— Какъ хотите... Можетъ быть, вы и правы... Во всякомъ случаѣ желаю успѣха.

Прямо изъ института Рушинскій попалъ въ кипучую атмосферу желѣзнодорожныхъ изысканій. Потѣхалъ куда-то на Уралъ и почти на цѣлый годъ застрялъ въ гаушн. Щеголеватого столичнаго студента нельзя было узнать! Посты узенькихъ брючекъ, франтоватыхъ свѣтлыхъ и зеркальнаго блеска ботинокъ — рваная косоворотка, смазные сапоги и безформенная, неопредѣленнаго фасона палочка. Цѣлыми днями приходилось бродить по болотамъ, горамъ и непроходимымъ лѣсамъ.

Въ путевомъ мѣстѣ о немъ уже говорили: — „Молодой, талантливый, энергичный“. И черезъ два-три года, безъ связей, безъ закулисныхъ рекомендацій, не забывая съ заднего крыльца желѣзнодорож-

На станціи Радомѣ. Разгрузка подарковъ, отправляемыхъ на передовыя позиціи. По фот. нашего спеціального корреспондента.

Раздача подарков на передовых позициях. По фот. нашего специального корреспондента.

ных тузов, — Руцинский получает место начальника участка на строящейся магистрали.

Новую дорогу проводили в заходистой степи нашего провинциального юга. Условия были тяжелы: песчаная степь, горы, масса речек. Но «пань Станислав», так называла его крепкая путейская колония, ютившаяся прямо на полѣ, въ каком-то старом сараѣ, — творилъ чудеса. Чуть ли не ежедневно онъ показывалъ столько изобрѣтательности, солидныхъ званій выѣзѣ съ житейской сѣткой, что изъ Петербурга ему слали комплименты за комплименты; а когда прѣзжалъ грузный, обрюзгшій банкиръ-директоръ дороги, про котораго говорили, что «онъ весь Петербургъ и всю Москву вотъ гдѣ держитъ», то этотъ разсѣянный крѣзь цѣлый часъ бесѣдовалъ съ небритымъ, оборваннымъ, вывалившимся въ грязь, инженеромъ.

Руцинскій чувствовалъ, что карьера обезпечена. Объ этомъ онъ часто думалъ по ночамъ, когда въ душнои сараѣ не спалось, а южная ночь, сверкающая звѣзднымъ ковромъ, такъ манила выйти гулять по новенькому, блестящему убѣгающей сталью рельсовъ, полотну. И на душѣ тогда ликовала радость молодости, успѣха и счастья.

III.

Въ участіи Руцинскаго работала молодая инженеръ Шварцъ. Нѣмецъ, едва владѣвшій русскимъ языкомъ, Отто Шварцъ былъ приглашенъ изъ Берлина, какъ спецiальнѣе по постройкѣ мостовъ. Пань Станиславъ сразу не влюбилъ этого тучнаго чваннаго нѣмца, всегда пренебрежительно говорившаго о Россіи, о русскихъ людяхъ, бранившаго все и всѣхъ кромѣ своего фатерланда. Поляковъ Шварцъ прямо не выносилъ, ненавидѣлъ. Онъ буквально захлебывался, когда разсказывалъ, какъ его братъ, нѣмецкій учитель въ Познани, съчесть въ школѣ польскихъ дѣтей. Руцинскій нѣсколько разъ обрывалъ зазнаващагося нѣмца, и съ первыхъ же дней совместной работы у нихъ установились неприязненные, хотя внѣшне любезныя отношенія.

Однажды вечеромъ къ инженерамъ прѣехали гости изъ соседняго участка. Устроили импровизированный ужинъ, пѣли хоромъ, зажгли костры, расшалились, какъ дѣти. А вечеромъ кто-то предложилъ сыграть въ карты, и всѣ усялись за столъ, прямо на полѣ. Денегъ было много: крупное жалованье да масса казенныхъ денегъ на рукахъ — плата рабочимъ, подрядчикамъ. И черезъ какой-нибудь часъ на столѣ появились пятнастоенныя бумажки и цѣныя горки золотыхъ. Выигрывали и проигрывали попеременно. Но къ концу ночи игроки такъ увлеклись, что не замѣтили, какъ на востокъ зарозовѣла узенькая полоска приближающейся зари.

Раздача подарков на передовых позициях. По фот. нашего специального корреспондента.

выигрывать только Шварцъ. Онъ лихорадочно сдавалъ карты, волнуясь и горячась изъ-за каждой ставки, а на столѣ передъ нимъ уже лежали цѣлый ворохъ смятыхъ бумажекъ.

Руцинскому не везло. Онъ проигралъ всѣ свои деньги, занялъ у товарища и тоже проигралъ. Какой-то внутренній голосъ инстинктивного благоразумія оставивалъ его. Но азартъ молодости разжигалъ.

«Загадаю: будетъ орелъ — брошу играть, рѣшка — возьму изъ сундучка», — подумалъ онъ.

Взявъ пятирублевикъ и высоко подбросивъ кверху. Монета блеснула золотой искоркой въ темнотѣ предразсвѣтныхъ сумерекъ и зарылась въ травѣ. Руцинскій подбѣжалъ и поднялъ ее. «Рѣшка!»

Онъ зашелъ въ сараѣ, досталъ изъ сундучка-мешки толстый, перетянутый резинкой бумажникъ и сѣлъ опять играть.

Банкъ металъ Шварцъ. Руцинскому опять не везло — онъ проигрывалъ каждую карту. Уже почти совсѣмъ разсвѣло. Инженеры, осунувшіеся, съ землистыми лицами безсонной ночи, сидѣли усталые, облокотясь на столъ. Было странно видѣть при яркомъ утреннемъ солнцѣ пятнадцать человѣкъ, прямо подъ открытымъ небомъ сидѣвшихъ за карточнымъ столомъ.

— Господишъ Шварцъ, сколько у васъ въ банкѣ? — дрогнувшимъ голосомъ спросилъ Руцинскій.

— Двадцать одна тысяча...

— По банку!

Зашелестѣли карты. Весь столъ замеръ. Только изъ-за рѣки вырывались заглушенные звуки пѣсни — уже шли рабочіе на полотно.

— Бита! — крикнуть нѣмецъ.

Всѣ сразу, словно проснувшись, засуетились, заговорили. Руцинскій бросилъ на столъ лачку новенькихъ бумажекъ и всталъ.

Изъ-за поворота пути подѣзжала дрезина. Начался рабочий день.

IV.

Руцинскій былъ внѣшне спокоенъ: какъ всегда, методично отбиривалъ вѣхи, провѣрялъ десятниковъ, съ головой уходилъ въ шумную суету работы. Но въ душѣ что-то оборвалось.

«Теперь все кончено... конецъ карьерѣ, всему концу... Тридцать тысячъ... тридцать тысячъ... взять не у кого... никто не дастъ... Попросить у нѣмца?.. Никогда... никогда... да онъ и не дастъ... Скоро ревизія... прѣбдуть... судъ... тюрьма... позоръ... и конецъ, конецъ всему»...

Руцинскій думалъ о самоубійствѣ, писалъ разъ десять записку

матери, живущей гдѣ-то подѣ Ломжей, рвалъ эти наивныя квитанціи смерти, смѣялся, потому что опять впадалъ въ отчаяніе. Но въ концѣ концовъ побѣдилъ молодость, жажда жизни, буйное, страстное желаніе жить. Онъ написалъ нѣсколько писемъ, одѣлся и велѣлъ заложить лошадей.

Всю ночь мчался Руцинскій по накатанной степной дорогѣ. Рѣзкій вѣтеръ билъ въ лицо, накрапывалъ дождь, а мысли, спутанныя въ больномъ, тревожномъ клубкѣ, шептались:

«Все кончено... конецъ всему»...

V.

— Инженеръ Станиславъ Руцинскій?

— Я...

Щеголеватый австрійскій чиновникъ подволочиской таможни вручилъ Руцинскому паспортъ. Снова вагонъ, трясущаяся узкая скамья, молниеносныя остановки, отрывистое «ззда» галицкихъ кондукторовъ, еще ночь въ вагонѣ — утромъ Вѣна. Безконечно тянутся Зальцбургскія горы, поѣздъ ныряетъ въ темнотѣ ежеминутныхъ туннелей, вырывается на свободу и тихо, словно усталый, громыхая, останавливается у Триестскаго вокзала.

Пароходъ въ Аргентину уходилъ только черезъ два дня, и Руцинскій часами бродилъ безъ дѣла по шумнымъ улицамъ крапиваго, сверкающаго города.

«Совсѣмъ Италия, — думать Руцинскій. — Никто не говоритъ по-нѣмецки».

Подымался на высокую Общину и зачарованный смотрѣлъ на маячащіе въ морскомъ туманѣ купола венеціанскихъ дворцовъ.

«Хорошо здѣсь!.. Ласкающая прелесть южной природы отгоняла тревожныя, горькія мысли.

На призывъ выступающей въ Лондонскомъ театрѣ русской артистки Лидіи Георгіевны Кякштъ жертвовать табакъ для русскихъ солдатъ англійская публика отвѣтила присылкой огромнаго количества папирозовъ, сигаръ и табану. Пожертвованія, продолжающія поступать до сихъ поръ, Л. Г. Кякштъ сама привезла нынѣ въ Петроградъ. На нашемъ снимкѣ Л. Г. Кякштъ изображена въ Лондонѣ, среди присланныхъ русскимъ солдатамъ подарковъ.

Раздача подарков на позициях.

«Вотъ уѣду въ Буэнос-Айресъ... буду работать... Узнаютъ... Ну, буду жить подѣ чужимъ именемъ... не пропаду»...

И, перебирая въ головѣ тысячу плановъ, самыхъ фантастическихъ возможностей, Руцинскій задремалъ на жесткой постели дешеваго номера матросской гостиницы.

Вотъ онъ — богатый аргентинскій плантаторъ... Громадная усадьба... миллионеръ... прѣзжаетъ въ Россію... возвращаетъ тридцать тысячъ... концессія на новую тысячеверстную дорогу... роскошный особнякъ на Морской...

Когда онъ проснулся, уже было утро. Солнце ярко свѣтило, переливаясь золотыми нитями въ голубомъ морѣ. Онъ взглянулъ на часы.

«Восемь... Черезъ два часа отходить пароходъ».

VI.

Три года въ Аргентинѣ...

Масса новыхъ впечатлѣній. Новая страна, новые, чужіе люди, весь особый, своеобразный укладъ экзотической жизни — преобразилъ Руцинскаго. Прѣбавъ сюда почти безъ гроша, онъ чуть ли не каждую недѣлю мѣнялъ профессию. Сегодня матросъ, черезъ мѣсяцъ ковторщикъ, потомъ лакей портового ресторана, охотникъ, сержантъ аргентинской гвардіи, телеграфистъ, англійскій проповѣдникъ, нѣздникъ — научился всему и зналъ все, какъ научаются знать только въ Америкѣ.

Еще черезъ нѣсколько лѣтъ судьба перебросила Руцинскаго въ Мексику. Прямо изъ уличнаго цирка, въ которомъ онъ забавлялъ неприхотливую толпу бадашаннаго райка, Руцинскій попадаетъ въ отрядъ мексиканскихъ инсургентовъ. Недѣлями ночуетъ въ полѣ, цѣлыми днями не спитъ съ сѣдла, не разъ одинъ выѣзѣ съ горсточкой повстанцевъ отстривается гдѣ-нибудь въ 10-рахъ отъ цѣлаго правительственнаго батальона. Наконецъ, послѣ восьмилѣтнихъ скитаній, словно вырванныхъ изъ увлекательныхъ страницъ майнъ-ридовскихъ фантазій, полныхъ самыхъ невероятныхъ приключеній, онъ, огуравшій бородатый конбой Стэнли Рутъ, поселяется въ заброшенной деревушкѣ Техаса.

Отъ Аргаса до ближайшей железнодорожной станціи чуть ли не тысяча километровъ. Никого вокругъ; въ маленькой деревушкѣ живутъ лишь одни ковбои.

Через два-три года Руцинский нѣмѣлъ уже большую усадьбу, колоссальный табунъ, оставившийся по всѣмъ окрестностямъ: онъ успѣлъ жениться на какой-то танцовщицѣ бродячаго цирка изъ Вальпараисо, нѣмѣлъ сына и зажилъ спокойной жизнью зажиточнаго ковбоя. Однообразно потянулись дни труда, опасностей, похожіе одинъ на другой. Мало-по-малу забывалась Россія, тихій домикъ въ Ломжѣ, гдѣ жила мать, институтъ, товарищи-путейцы, изисканія, карьера, злосчастная ночь на постройкѣ, скитанія. Усталая душа оправлялась отъ страшнаго краха.

VII.

Цѣлый день казаки отстрѣливались отъ нѣмецкаго отряда. Прусскіе уланъ было почти три эскадрона—это на сотню уральцевъ! Къ вечеру съ обѣихъ сторонъ устали, — надобно осыпать другъ друга спичковымъ дождемъ. Казаки отъѣхали за пригорокъ и, выставивъ часовыхъ, расположились на ночлегъ. Привязали коней, поѣли, что Богъ послать въ разоренномъ фольваркѣ, и улеглись спать.

Руцинскій адѣсь...

Въ заброшенной тѣхасской деревушкѣ цѣлыхъ двадцать шесть лѣтъ отдѣлял его отъ Россіи, отъ полей, отъ родины, отъ родного языка. И вдругъ съдой старикъ съ надломленной, неожиданно исковерканной жизнью почувствовалъ, что онъ нуженъ не здѣсь, въ ковбойскомъ поселкѣ, а тамъ, далеко, на берегахъ Вислы, гдѣ идетъ страшная народная война. Онъ почувствовалъ это, когда Эдди читалъ ему нью-йоркскія газеты, чувствовалъ въ эти два мѣсяца, пока онъ, мѣняя лошадей на поѣздъ, поѣздъ на пароходъ, пароходъ опять на поѣздъ, добрался до Варшавы.

Ихъ зачислили въ казачій полкъ.

Солдаты полюбили эту странную чету ковбеевъ, а офицеры прямо не могли нахвалиться чудо-наблюдателями. Даже самые искусные въ джигитовкѣ уральцы любовались ѣдой ковбеевъ.

— Какъ ѣздить американцы! Куда нашьмъ...

Теперь ихъ сотня уже цѣлую недѣлю верстѣ на сорокъ впереди главнаго отряда, идетъ по заброшеннымъ, непаханнымъ полямъ и разореннымъ польскимъ усадьбамъ.

Казаки, утомленные долгимъ переходомъ, заснули тяжелымъ, усталымъ сномъ. Эдди спалъ, растянувшись на землѣ, а отецъ сидѣлъ рядомъ, пронизывая своими зоркими степными глазами окружающую черноту ночи.

Еще свѣтало, когда нѣмцы снова начали стрѣльбу. Казаки отстрѣливались, экономно выпуская патроны, и каждая вспышка бѣлаго дыма казачьей винтовки укладывала кого-нибудь изъ неуклюжихъ пестро-мундирныхъ уланъ. За ночь къ нѣмцамъ подошли подкрѣпленіи: сотня теперь имѣла передъ собою цѣлый полкъ. Пришлось отступить. И казаки медленно отходили по изрытому снарядами, мокрому отъ трехдневнаго дождя, шоссе.

Руцинскій и Эдди ѣхали молча сзади, оставивъ почти на цѣлую версту отъ своей сотни.

Вдругъ, на поворотѣ дороги, прямо изъ лѣсу сверкнули яркіе кивера уланъ. Какіхъ-нибудь тридцать шаговъ отдѣляли ковбеевъ отъ нѣмцевъ...

воплемъ Руцинскій выхватилъ изъ-за пояса лассо—даже здѣсь не разставался онъ съ этимъ длиннымъ ремнемъ—и, метнувъ его, сразу притянулъ двухъ полузадушенныхъ нѣмцевъ. Третій повернулъ коня и уекалъ въ лѣсъ.

Руцинскій сбѣзъ съ лошади и подошелъ къ сыну.

— Убить...

Старикъ опустился на колѣни и поцѣловалъ мертваго.

Въ первый разъ изъ старческихъ глазъ потекли горячія слезы.

Изъ-за деревьевъ грянулъ выстрѣлъ. Жгучая боль рванула все тѣло Руцинскаго; онъ хотѣлъ вскопиться, обернуться. Но уже все смѣшалось въ сознаниіи и мысляхъ, и ковбой беззвучно упалъ на трупъ сына.

На дорогу вышелъ нѣмецкій уланъ. Медленно, озираясь, онъ подошелъ и обшарилъ карманы убитыхъ. Вынулъ кошелькъ, маленький кожаный бумажникъ, сорвалъ какой-то медальонъ и, толкнувъ убитыхъ, скрылся за деревьями.

VIII.

Руцинскій ожесточенно рубилъ; въ какомъ-то изступленіи направо и налево сыпалъ онъ удары своей кривой шашкой. Уже двое на-смерть раненыхъ нѣмцевъ лежали на гравѣ, а третій, покачнувшись въ сѣдлѣ, грузно, какъ мѣшокъ, опустился на землю.

— Отецъ!.. отецъ!..

Старикъ порывисто обернулся. Трое уланъ окружили сына; правая рука молодого ковбоя, окровавленная, безпомощно висѣла вдоль плеча, а лѣвой, вооруженной, онъ неуверенно отбивался отъ враговъ.

— Эдди!..

Поздно. Уже, безъ стона, послѣднимъ, безсознательнымъ движеніемъ схватившись за рану рукой, юноша падалъ съ лошади.

Тогда изступленно, съ дикимъ

Женщина-доброволецъ Маргарита Романовна Коковцова, вступившая вольноопредѣляющимся въ ряды Астраханскаго Казачьяго Войска, раненая въ голову на развѣдкѣ на восточно-прусскомъ фронтѣ, награжденная за боевыя заслуги медалью на Георгиевской лентѣ и званурованная для излѣченія въ Петроградъ. М. Р. Коковцова — среди раненыхъ солдатъ въ лазаретѣ, устроенномъ ею на свои средства.

Женщина-доброволецъ М. Р. Коковцова.

Автомобили, приспособленные для перевозки раненыхъ. У праваго автомобиля стоитъ слѣва уполномоченный Всероссійскаго Земскаго Союза С. В. Глѣбовъ, заведующій отрядомъ.

Русскіе орлы.

Спасаютъ Н. Симбирскаго.

I. Капитанъ Калитинъ.

— Нѣмцы наступаютъ...

Это слово облетѣло городъ и аванпосты съ быстротой молніи... и принято было спокойнѣе.

— На то и крѣпость, чтобы ее защищать...—философски сказалъ коренастый капитанъ крѣпостной артиллеріи Калитинъ, присасывая короткую трубку: — будемъ отстрѣливаться...

— Будемъ отстрѣливаться, — какъ эхо,

Повозка, приспособленная для эвакуаціи раненыхъ.

Палатки въ разобранномъ видѣ.

повторить молодой поручикъ и невольно устремилъ взоръ туда, въ млечную даль, гдѣ за пустынными горами скрывалась Россія и все дорогое, тамъ оставленное.

— А ты думаешь, какъ? — продолжалъ капитанъ, пуская густую струю дыма. — Крѣпости стрѣять, чтобы любоваться на нихъ изъ подъ стеклянный колпакъ ставить? Нѣтъ, братъ: сюда миллионы убитыхъ, такъ мы ихъ должны вернуть съ ливхой... Чтобы каждый нашъ русскій цѣлковый нѣмцу въ сто марокъ вскопчить! Вотъ что нужно. Одни мы теперь, никто насъ не видитъ, а поручено намъ великое дѣло: честь Россіи намъ отдана на поруки... И дѣло намъ теперь нужно дѣлать просто и твердо: до послѣдней минуты отстояться, умереть, но не сдаваться...

Поручикъ слушалъ монотонныя рѣчи батальоннаго командира, а сердце жестоко ныло.

7-й Полевой Врачебно-Питательный отрядъ Всероссійскаго Земскаго Союза, отправленный на Кавказскій театръ военныхъ дѣйствій.

(См. „Отклики войны“). По фот. С. А. Баранова. Перепечатка воспрещается.

Наружный видъ походной палатки.

7-й Полевой Врачебно-Питательный Отряд Всероссийского Земского Союза, отправленный на Кавказский театр военных действий. (См. «Отклики войны»). 1. Походная церковь. 2. Палатка-госпиталь. 3. Палатка для персонала отряда. По фот. С. А. Баранова. Перепечатка воспрещается.

Грозно молчат батареи... Из-за крепких окопов высунули стальные шеи орудия... и прислушиваются... Короткомордая мортира задорно смотрит вверх: так и кажется, что хочет плюнуть своим стальным плевком на перистое облако, вьющееся над бруствером.

Неподвижно стоит часовая: оперся на ружье и вглядывается вниз, туда, в долину, где неясными точками и силуэтами вырисовываются линии немецких войск.

«Копшатся муравьи», — думает часовая: — видно, артиллерию налаживают... Да далеко еще: не достанешь до них...»

А в землянке русские орлы мирно чаек попивают. Капитан вторую трубку набил и все к поручику пристаёт.

— Сыграем, брат, в винт с двумя боянами... Все время скоротаем. Ну-ка по тысячной... Идет?

Сидя сумерки надвигаются сразу. По небу быстро-быстро бегут разорванные облака. Сидят, нагоняют друг друга, сталкиваются и опять бегут все дальше и дальше.

— Ну, теперь за дёло, — говорит капитан, расправляя отекшие ноги: — иочь хитра. Глаза нам надо в зубы взять... Дозорные, по мёстам! Ребята, миди в оба у меня... Не проморгай!

Рёзко и бодро звучит команда. Капитана не узнать: совсем козырем расхаживает по своей батарее. Ходит и с солдатами «балакает».

— Семенов, ты чего морду скривил? Скучно, брат? Ничего, обтерпешься. Служба, братец, великое дёло, солдат должен веселый быть, а перед боем и подавно...

Подтягивается и другой солдатик, прочь гонит грусть, нельзя, командир больно веселый.

— Лисицын, ты что, брат, за орудием плохо смотришь... Вон пятно. Вычисти. Не хорошо, брат, с орудием надо, как с отцом: почитать его надо! Вольно, вольно, ребята! Не вставай, здесь мы в бою — не на народ... Накосыришься еще!

Проходит командир всю батарею. Оживают солдаты.

— Капитан у нас — душа-человек. Весело с ним сражаться даже. Пра...

А капитан Калитин взобрался на бруствер, бинокль в руки взял и вглядывается в густую даль, подернутую темнотой.

— Близко... Враг не за горами... Подойдет не нынче, завтра...

Надо быть готовыми...

Словно утонувшая батарея во тьме. Огней не зажигается, врагу не показываются...

Рёзко прорезали тьму лучи прожектора с горы и пошли гулять по долине — врага нащупывать... Теперь уж ясно видно: идут, обкладывают... Вон, вон ползет кучка... 'Что-то тащат... Орудие!

— Не пора ли?

Ходуном заходила старая боевая кровь в капитана. Бросился к телефону, звонит. Ответ пришел: начинать надо.

— С Богом, ребята! К орудиям, наводчики! Готовь снаряды!

Все кишит на батарею. Закопшились солдаты. Около орудий наводчики хлопчут. Капитан сам вездь помогает.

— Сидоренко! Вон, вон эту кучку, друг! В эту вон, которая погуще... Постарайся, брат... Сдлай милость, потрафи!

— Рад стараться, наше высокоблагородие!

Бравый бомбардир — наводчик из малороссов, приземистый атлет — ворочает орудие колесом, как игрушку. Тут же поручик Иванов вычисления смотрит.

— В самый раз, вашбродь... Потрафим... Всё отскакивает от орудия.

— Первое!

С визгом вырывается снаряд из жерла. Грохочет выстрел и разом будит уснувшую окрестность, дробя звук на тысячи эхо.

Заговорили батареи...

Капитан Калитин потускил от пороха. Мушкетер забросал землей, осколки гранат обрызгали... А с батареи не сходит ни на минуту, от орудия к орудию бьются всею самь.

— Носики!

— Эх, еще один! — досадливо кричит капитан и ботвенно морщит лицо. — Осторожней, ребята, осторожней несн... Ишь, Петрушенко, несчастный, угодил куда... А славный был солдат... Давай второй!

Грохочет выстрел.

Жалко капитану солдат. Как увидит раненого, точно ему самому что-то режут: весь сморщится. А некогда жалеть-то долго: работа идет горячая... Грохочет батарея, вся дымом заволочена... Сыплет смертью на врага, и сама смерть принимает.

Только к утру затихло ночное дёло... Опять солнце блесит. Морозец легкий. Миновала страшная ночь...

Замолчали немцы, отошли. Замолчали и наши. Подобрали раненых, санитары сдвали. Сидят солдатики в землянках, кашу ёдят. Только часовые опять зорко смотрят.

— Поручик, иди сюда! Теперь и отдохнуть не грёх... настрелялись. Эй, Никитин, дай-ка нам чайку!

И опять капитан Калитин и поручик Иванов в землянке сидят и мирно чаек попивают. Как будто и дёла не было...

II. Мичман Галкин.

Это был юноша румяный, крепкий, как молодой дёсой орех. С веселыми сёрыми глазами и каштановыми кудрями, упрямо завывавшими даже сквозь форменную корпусную стрижку.

Только три мёсяца, как выскочил он из своего морского гнёзда на Васильевском острове: попал в экстренный выпуск мичманов для Балтийской эскадры.

Мичману Галкину всего девятнадцать лёт... И это — его самое «слабое мёсто». Он говорит молодым, срывающимся баском, переходящим иногда еще в дётский дискант. И постоянно просится в бой. Ему скорёе хочется боевого крещения.

Когда мать провожала его на вокзал и слезы ей лились неудержимой рёчкой, новый мичман мужественно сдерживал надвигающийся рыдания и намёренно сурово гопорил: — Мама... Не плачь... Мне неловко... Ты понимаешь? Я ёду исполнять свой долг...

И только, когда поезд уже пошел полным ходом, блёдный новопеченный мичман забрался в самое укромное мёсто вагона, вдали от всёх глаз, и здесь дал восту своим оземам — дётским, горячим, скоропроходящим.

Жаль было маму... Жалко Наю. Маленького Ваню жал. Жалко и маленькую Жучку, которая так радостно встречала его всегда залившимся лаем при отпусках из корпуса. Всёх жалко. А себя? О себь самом Галкин не думал совсем, даже и в ётот момент.

И ёмь дальше убёгал поезд, ёмь блёдые и блёдые становились всь милые лица, отходили куда-то вдале и таяли.

Морская семья в Кронштадте приняла молодого мичмана очень хорошо. Так всегда принимают молодых морских птенцов: старые морские волки: радушно и благожелательно.

Не прошло и недёли, как сёвжй, молодой Галкин уже попробовал пороха. Правда, на передовые суда его еще не пустили, пока он не сёсет еще береговую службу, но он уже видёл летящие снаряды, слышал гром орудийных выстрёлов, видел раненых, и больно сжалось его дётское сердце при взгляде на ёту печальную картину войны.

Но боевое воспитание идет ускоренным темпом — здесь некогда проходить всь степени и категории мирного времени. Ёще через

7-й Полевой Врачебно-Питательный Отряд Всероссийского Земского Союза, отправленный на Кавказский театр военных действий. (См. «Отклики войны»). 1. Палатка-столовая. 2. Палатка-кухня. 3. Палатка-баня. По фот. С. А. Баранова. Перепечатка воспрещается.

крутой, слегка загибающийся сверху, развоенный подбородок.

Уши, хоть и не выдающиеся калибра, но поставленные почти перпендикулярно к щекам и странного фасона — с вывернутыми верхушками и с множеством каналов и углублений.

И как же было не улыбаться при виде такой фигуры, в особенности, если принять во внимание, что по всему смѣшному лицу его и даже по блестящей лысинѣ была разлита бездна хитрого добродушія, да и то еще, что лицо это в рѣдкія минуты, разумеется, вне строя, оставалось спокойнымъ, а все время либо губы выдѣлывали смѣшныя гримасы, либо носъ раздувался и фыркалъ, либо глаза комически бѣгали изъ угла въ уголъ своихъ вѣѣстнилицъ, либо наконецъ, что даже выходило изъ границъ естественнаго, уши двигались вверхъ и внизъ, а вмѣстѣ съ ними и вся блестящая кожа, покрывавшая его черепъ, то надувалась надъ глазами, то расплывалась к затылку.

Командиръ роты, въ которую онъ попалъ, съ любопытствомъ оглядѣлъ этого человѣка и допросилъ его, какъ попалъ на военную службу, и чуть что не спросилъ, идъ онъ научился всѣмъ своимъ штукамъ. Кубышка далъ основательные отвѣты, но, разумеется, самые краткіе, ибо нельзя же было рассказывать начальству всю свою біографію, вытянувшись въ струнку и держа руку подъ козырекъ.

Часовой съ подчаскомъ.

И командиръ узналъ, что родился Кубышка въ Черниговской губерніи, но что это было очень давно. Въ надлежащемъ возрастѣ онъ служилъ въ солдатахъ, а послѣ службы какимъ-то образомъ попалъ къ «нѣмцамъ», т. е. въ Прибалтійскій край.

Простой солдатъ изъ хохлацкихъ мужиковъ, въ школѣ однако научившійся грамотѣ и не забывшій ее, онъ нѣкоторое время работалъ въ качествѣ простого батрака, но ему это было не по нраву, перешелъ въ городъ, сперва въ какой-то маленькій, потомъ въ Митау, а затѣмъ добрался и до Риги и здѣсь занялся коммисіонерствомъ. Взялъ по деревнямъ и скупалъ у мелкихъ хозяевъ свиней и телятъ и перепродавалъ ихъ мясникамъ въ городѣ.

Началъ онъ это дѣлать безъ денегъ, до потомъ расширилъ свое предпріятіе и сталъ скупать дѣлать небольшія партіи и доставлять въ Либаву на пароходахъ для Германіи и Англіи. Въ результатѣ у него были деньги, которые де-

Приказаніе ординарцу.

жали идъ-то въ банкъ. За пятнадцать лѣтъ постоянного вращенія среди нѣмцевъ, такъ какъ онъ почти исключительно съ ними имѣлъ дѣло, онъ отлично научился нѣмецкому языку, и, когда, случилось, онъ распустился, начинать говорить по-нѣмецки и называть тогда себя не Корвсемъ Кубышкой, а Карломъ Кубенштейномъ.

— Это, — говорилъ онъ въ такихъ случаяхъ: — если меня гдѣ-нибудь застукаетъ нѣмецъ, такъ я у него не пропаду. Я имъ такую нѣмецкую канитель заведу, что они уши развѣсятъ. Я имъ покажу, какіе въ нашей сторонѣ Карлы Кубенштейны бываютъ. Хо-хо! Я всѣ ихнія штуки знаю. У меня одинъ знакомый пасторъ имѣется, — теперь онъ уже къ своимъ убѣгъ, — такъ онъ, бывало, говаривалъ: когда, говоритъ, откроется война и наши, — это, выходитъ, нѣмцы-то, — придутъ и владѣтъ этой нѣмецкой землей станутъ, то я тебя, Кубышкенъ, въ нашу нѣмецкую вѣру перекрещу, и будешь ты настоящий нѣмецъ, и имя тебѣ будетъ не Корней Кубышкевъ, а Карлъ Кубенштейнъ. А я думаю себѣ: ладно, это мы еще посмотримъ, кто кого перекреститъ, а ему-то говорю: согласенъ, такъ тому и быть. Потому у него водилось цѣлое стадо свиней-юркинровъ, кормилъ онъ ихъ и за мое, значитъ, нѣмецкое благочестіе по-

Ружья австрійцевъ, бѣжавшихъ съ поля сраженія и взятыхъ въ плѣнъ.

Изъ дѣйствующей арміи. По фот. нашего спеціального корреспондента.

Переправа черезъ рѣку.

полтиннику на каждой свинѣ уступать. Такъ вотъ теперь мы ихъ и крестимъ. И попался мнѣ этотъ самый пасторъ, и я его перекрестилъ бы припадкомъ... Даромъ что полтинники уступать... Ого, всѣ они на одинъ манеръ: отъ Рассен берутъ и на Рассенъ лѣзутъ.

Таковъ былъ Корней Кубышка. Если къ этому прибавить, что онъ по своему возрасту (ему было сорокъ два года) не долженъ былъ идти изъ запаса въ армію, а пошелъ по желанію, — притомъ, несмотря на то, что у него были деньги, а сдѣдовательно и извѣстная избалованность, — простымъ солдатомъ, то передъ нами предстанетъ въ законченномъ видѣ вся личность Корнея Кубышки.

— А зачѣмъ же ты въ солдаты пошелъ, кто тебя тянулъ? — спрашивалъ его товарищи.

— Зачѣмъ? А зачѣмъ, что я очень ужъ хорошъ подъ нѣмца. И балакалку ихъ знаю и всякую ихнюю фигуру и могу нашему войнству большую пользу оказать. Да вотъ хотите, братцы, послушать, я вамъ проповѣдь скажу... Такъ вы отъ пастора меня и не отличите.

Железнодорожная сторожка.

И. Черезъ нѣсколько дней рота пошла въ дѣло, и ей пришлось рыть окопы и сидѣть въ нихъ.

Такъ ужъ можно сказать, что это была самая счастливая рота. Что веселитъ ее своими шутками Кубышка, это ужъ само собой разумеется. Когда гдѣ-нибудь вблизи разрывалась шрапнель, то въ окопахъ съ его стороны раздавались такіе отборныя нѣмецкія ругательства, которыя, если они долетали во вражескій лагерь, одинъ способен былъ произвести въ немъ потрясеніе.

Но кромѣ этого онъ, какъ оказалось, обладалъ еще совершенно исключительными способностями: напримѣръ, при помощи ведра воды, пары яблокъ или какихъ-нибудь фруктовъ, а то и безъ нихъ, и пригоршни муки онъ мастерилъ напитокъ, похожій не то на пиво, не то на брагу, не то на квасъ, но во всякомъ случаѣ дѣйствовавшій освежающимъ образомъ.

А кулинарныя его способности были прямо несравненны. Именно здѣсь, въ окопахъ, когда некогда было и думать объ обѣдѣ, а приходилось ограничи-

Мостъ на шпалахъ, выстроенный вмѣсто желѣзнаго моста, разрушеннаго непріателемъ.

Изъ дѣйствующей арміи. По фот. нашего спеціального корреспондента.

Полковникъ
В. А. Медеръ.

Полковникъ
П. Ф. Древингъ.

Полковникъ
Н. И. Араповъ.

Полковникъ
О. О. Струсевиъ.

Полковникъ
В. И. Сланскій.

Подполковникъ
О. Г. Стаммеръ.

Капитанъ
А. А. Бобровъ.

Капитанъ
В. А. Лиловъ.

Полковникъ
Н. С. Кирилловъ.

Капитанъ
И. Х. Попандуполо.

Штабсъ-капитанъ
П. П. Кравченко.

Капитанъ
А. В. Нимцигъ.

Капитанъ
Н. П. Кузнецовъ.

Штабсъ-капитанъ
Л. Д. Василю.

Штабсъ-ротмистръ
князь М. Д. Микеладзе.

Прапорщикъ
Н. Н. Жефоридае.

Прапорщикъ
А. И. Христани.

Прапорщикъ
В. С. Голубевъ.

Подпоручикъ
И. А. Щегловъ.

Поручикъ
В. I. Дальштремъ.

Поручикъ
Г. Э. Гальбрейтеръ.

Прапорщикъ
I. В. Крюковъ.

Подпоручикъ
А. М. Мауэръ.

Прапорщикъ
В. П. Трошинъ.

Прапорщикъ
М. А. Шевлягинъ.

На западномъ фронтѣ. Возстановленіе желѣзнодорожнаго пути, разрушеннаго отступившими германскими войсками.

ваться сухаремъ или картонкой, важно было придать этимъ, слишкомъ ужъ простымъ, вещамъ пріятный вкусъ. И онъ это дѣлалъ. Дайте ему всего только одну луковичку, и онъ сдѣлаетъ такую приправу, что хоть во французскомъ ресторанѣ подавай.

Оказалось, что онъ самъ былъ любитель шикантной бѣды и въ мирное время обыкновенно заготовлялъ себѣ на зиму всякіе соленья, при чемъ не придерживался общепринятыхъ рецептовъ, а изобрѣталъ все по своему вкусу. А картошка, которую легче всего было достать, была его прямой спеціальностью. Онъ се некъ на угольяхъ и варилъ въ кипяткѣ и при этомъ придавалъ ей такой вкусъ, какой хотѣлъ, такъ что она могла давать эффектъ хѣба, а если угодно, и мяса, и даже приобрѣтала рыбный запахъ.

И дѣлалъ онъ все это съ величайшимъ усердіемъ и тутъ же совершенно откровенно объяснялъ, что ему это, въ сущности, выгодно. Дѣло въ томъ, что при всѣхъ своихъ необыкновенныхъ качествахъ, онъ—хотя, конечно, не былъ трусомъ, но и особенной храбростію не отличался и очень дорожилъ своей жизнью. Онъ этого не скрывалъ и прямо говорилъ:

— А что же, братцы, рисковать ею зря!.. Я понимаю, бывасть такъ, что отъ смѣлости твоей зависишь, скажемъ, побѣтъ—либо быть бѣгу. Ну, тогда что жъ, тогда и на самую жизнь твою нацѣнешь!.. А такъ вотъ, ни за что ни про что, этого я дѣйствительно не люблю. Ну, я себѣ тутъ и топчусь—на дѣтъ. То картошку, то сухарь поджарю, то напюжю какой изготовить, а вы,

На западномъ фронтѣ. Поселянинъ, заподозрѣнный въ шпионствѣ, препровождается въ штабъ. Солдаты надѣли ему на голову мѣшокъ, чтобы онъ не могъ видѣть позиціи.

Къ возвращенію французскаго правительства изъ Бордо въ Парижъ. Выгрузка въ архивъ министерства финансовъ государственной долговой книги. Для перевозки ея понадобилось 10 вагоновъ.

братцы, тамъ за меня отступайте. Ужъ тутъ меня никакая пуля ни шпатель не подстрѣлитъ, и меня ничто не хватитъ.

И ему это позволяли. Никто не смотрѣлъ на это, какъ на отступленіе отъ дисциплины. Въдъ въ концѣ концовъ онъ всѣмъ оказывалъ величайшія услуги.

Нельзя даже представить себѣ, какое наслажденіе человеку, сидящему нѣсколько сутокъ въ окопахъ, могутъ доставить нѣсколько чашекъ напитка, хоть и незатѣбливаго, но непохожаго на простую воду.

Иногда же онъ становился на корточки, вынималъ изъ кармана шинели бритву, которая всегда была съ нимъ, смачивалъ щеки собственной слюной вмѣсто мыла и начиналъ бриться. Это онъ считалъ необходимымъ дѣлать каждый день, — научился у нѣмцевъ, говорилъ онъ: — да и нельзя мнѣ иначе: не дай Богъ, нѣмецъ налетитъ и возьметъ въ плѣтъ, и, ежели я не бритый, какъ я тогда могу за Карла Кубенштейна сойти? Не повѣрять. Карлъ Кубенштейнъ долженъ быть обязатель-

но бритымъ!"

И брлся онъ при этомъ безъ всякаго зеркала, "наизусть", только иногда, въ случаѣ большого сомнѣнія, вилыцывалъ въ дно мѣднаго котелка, откуда смотрѣло на него тусклое и туманное его изображеніе.

— Зачѣмъ зеркало?—обыкновенно говорилъ онъ.—Да неужели же я своей собственной рожи не знаю? Такъ атакій человекъ, который собственной физіи не знаетъ, то-есть, гдѣ что у него,—гдѣ носъ, а гдѣ ротъ, а гдѣ все прочее,—что же онъ послѣ этого можетъ знать!

Но былъ случай, когда Кубышка дѣйствительно имѣла возможность оправдать свое убѣжденіе насчетъ того, что, когда угрожаетъ серьезная опасность, то можно наплевать и на собственную жизнь.

Вышло это такъ, что отряду удалось выбить нѣмцевъ изъ мѣстности, расположенной среди сильно развѣтвеннаго лѣса и поросшей густымъ кустарникомъ. Нѣмцы-то, наполовину разстрѣлянные, убѣжали далеко, но на изрядномъ разстояніи гремѣла ихъ артиллерія, и отряду грозила опасность, если только его замѣтитъ оттуда, быть разгромленнымъ.

И вот тут-то Кубышка вдруг проявил изумительную наблюдательность, которая, впрочем, была результатом его хорошего знания всех немецких повадок.

Отряд расположился за деревьями и кустами, а он окинул взором окрестность и замечать в десятках шагов от себя что-то тянущееся между ветвями широко разросшегося дикаго орешника, — очень похожее на проволоку. Дальше оно терялось в кустарнике. Но это уж Кубышка не интересовало, а он стал искать глазами другого края проволоки, и край этот скоро нащупал его взгляд.

Видно, проволока потянулась вправо, все по кустам, а потом повернула вверх и пошла на самую верхушку высокой ели.

Он так обрадовался своему открытию, что чуть-было не свистнул, но воздержался, сдвинул рукой знак товарищам, чтобы оставались на месте, а сам присел, потому лег на землю и, как огромная черепаха, пополз к дереву.

Пловучие дома в Париже. Баржи на р. Сена, приспособленные для помещения бельгийских беженцев.

Пловучие дома в Париже, на р. Сена. Прогулка по палубе баржи, служащей жилищем бельгийских беженцев.

Тут он поднял голову, взглянул, потом осторожно перевернулся на спину, взяв свое ружье, прицелился и хлоп — раз, а затѣм и другой.

Съ дерева въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Кубышки что-то грузно шлепнулось на землю. Солдаты подбѣжали, глядя — немецъ, настоящий немецъ, въ мундирѣ, въ сапогахъ, и только каска съ головы его отлетѣла и повисла на еловой вѣткѣ и покачивалась вмѣстѣ съ нею изъ стороны въ сторону.

— Готовы! — сказалъ Кубышка, поднявшись на ноги и подойдя къ нему.

Немецъ дѣйствительно былъ взятъ наповаль и подстрѣленъ, какъ куропатка, но солдаты смотрѣли и ничего не понимали. Подошелъ офицеръ. Кубышка вытянулся передъ нимъ и промолвилъ:

— Дозвольте, ваше высокоблагородіе, вскарабкаться.

— Куда? Зачѣмъ? — спросилъ офицеръ.

— Да тамъ же у нихъ аппаратъ... Въ родѣ телефона... А телефончикъ ужъ тутъ лежитъ, такъ оно выходитъ, должность освободилась, и я имъ по-немецки докладывать буду.

Офицеръ понялъ всю его хитроумную махинацію и разрѣшилъ. И нужно было видѣть, съ какой ловкостью Кубышка понесъ свое несуразное тѣло наверхъ, цѣпляясь за вѣтки и сучья, и вмигъ добрался до неогромной точной точки, какъ казалось снизу, которая была дѣйствительно не что иное, какъ переносный телефонъ. Проволока отъ него шла далеко, до самыхъ батарей. Кой-гдѣ она пробивалась сквозь кустарники, кой-гдѣ ныряла въ землю, потомъ опять выплзала наверхъ.

Вскарабкавшись наверхъ, Кубышка оглядѣлъ окрестность и явственно различилъ густую массу застѣвшихъ за тѣсомъ немцевъ. И вотъ сверху послышалась отчетливая немецкая рѣчь. Кубышка самымъ точнымъ образомъ опредѣлилъ нмъ то мѣсто за тѣсомъ, гдѣ спрятались цѣлый полкъ германцевъ, выждать минуту, другую, третью, и вдругъ виднѣлись блеснувшіе огни на батареѣ, раздались грохотъ, и снарядъ во всемъ своемъ великолѣпіи понесся прямо по его указанію.

Пловучие дома в Париже, на р. Сена. Внутренний вид баржи, приспособленной для помещения бельгийских беженцев.

быстро движется здоровый немецкий отряд, держа направление прямо на нихъ. Онъ схватилъ аппаратъ съ силой оторвать его отъ проволоки и захвативъ съ собою, чуть не кубаремъ скатился съ дерева.

Тутъ стоялъ офицеръ. Держа въ одной рукѣ коробку, другую приложивъ къ козырьку, Кубышка отпартовалъ:

— Извольте приказать, ваше высокоблагородіе, переменить мѣсто: дознались... Рысью бѣгутъ...

Сейчасъ же команда и рота покинули мѣсто и скрылись въ тѣсу. Когда Кубышка рассказалъ товарищамъ то, что онъ предѣлалъ тамъ, наверху, солдаты ахнули, схватили его и чуть не понесли на рукахъ.

— Ай да Кубышка, вотъ хитрецъ, то-то онъ жаритъ тамъ по-немецкому!

Баезидъ (Баязетъ).

Очеркъ П. В. Нестерова.

(Рис. на этой стр.).

Послѣ вѣроломнаго нападенія нѣмецко-турецкихъ крейсеровъ на беззащитные города русскаго Черноморскаго побережья немедленно было дано распоряженіе о томъ, чтобы представители наши покинули предѣлы Турціи, а войска перешли границу. Прошло всего нѣсколько дней, и мы получили извѣстіе, что наши доблестныя войска уже заняли съ боя первую турецкую твердыню — крѣпость Баезидъ, или, какъ ее еще неправильно называютъ, Баязетъ. Почти всѣ наши войны съ Турціей неизмѣнно начинались и сопровождались взятіемъ этой крѣпости; такъ это было въ августѣ 1828 года, въ іюлѣ 1854 года и въ 1877 году.

Такимъ образомъ въ настоящую войну этотъ городъ занятъ нашими войсками въ четвертый и, будемъ надѣяться, въ послѣдній разъ. Крѣпость эта имѣетъ значеніе не столь сама по себѣ, сколь по своему стратегическому положенію. Она находится въ томъ сѣверо-западномъ углу Турціи, гдѣ сходятся границы Россіи, Турціи и Персіи, смычкой которыхъ служатъ увѣнчанный снѣгами Араратъ (16.916 фут. надъ уровнемъ моря). У юго-западнаго подножія Арарата, именно въ одной изъ складокъ хребта Аладага, на высотѣ 6.700 фут. надъ уровнемъ моря и расположенъ Баезидъ. Несмотря на то, что онъ находится въ трудно-доступной мѣстности, среди скалъ, изломанныхъ землетрясеніями, здѣсь сходятся четыре важныя въ стратегическомъ отношеніи дороги: въ наши предѣлы — черезъ Чингильскій переваль (10.640 фут.) на м. Нидырѣ Эриванской губерніи, въ Персію — на города Маку и Хой, на Ванъ и на Эрзерумъ — черезъ Діадинъ, Кара-кпльсу и Гасанъ-калу. Послѣдняя имѣетъ особенно большое значеніе, такъ какъ она является кромѣ того однимъ изъ трехъ главныхъ торговыхъ путей изъ Турціи въ Персію (на Тавризъ).

Нѣкогда Баезидъ представлялъ собою довольно значительный городъ Эрзерумскаго вилайета, но постепенно пришелъ въ полный упадокъ и разрушеніе, хотя не столько отъ нерѣдкихъ въ той мѣстности землетрясеній, сколько отъ дурного османскаго управленія и ухода армянъ въ слѣдствіе гонимій, которыя неизмѣнно начинались тотчасъ же послѣ окончанія войнъ. Изъ нѣсколькихъ тысячъ домовъ въ настоящее время здѣсь осталось всего нѣсколько сотъ; это все жалкія и грязныя лачуги съ характерными плоскими крышами: лучшій домъ въ городѣ, это — домъ нашего вице-консула. Населеніе города въ послѣдніе годы достигало не болѣе пяти тысячъ: главную часть его составляютъ турки, курды и армяне; въ общемъ городъ производитъ впечатлѣніе смѣси курдскаго и турецкаго, особенно обнаруживающейся въ своеобразной одеждѣ мѣстнаго населенія.

Городъ помѣщается въ двухъ ущельяхъ, между которыми одиноко возвышается большая скала, отъѣсно обрывающаяся въ одну сторону и довольно круто въ другую.

На вершинѣ скалы помѣщается одна изъ достопримѣчательностей города — хорошо сохранившійся замокъ, постройка котораго относится къ 1789 году. Здѣсь долго господствовали завсѣмные отъ турецкихъ султановъ вассальныя князьки,

Ночью, когда замолкли громы утомленныхъ орудій, начальникъ отряда доложилъ вышему начальству о находчивости Кубышки.

Это было сопоставлено съ другими донесеніями, и оказалось, что такой случай, когда немецкая батарея разстрѣляла свой собственный полкъ, и именно на томъ мѣстѣ, былъ. Кубышку представили къ наградѣ, и на другой день онъ уже появился съ унтер-офицерскими нашивками на мундирѣ.

Но черезъ нѣсколько дней съ нимъ произошло обстоятельство гораздо менѣе пріятнаго свойства. Онъ попалъ къ немцамъ въ плѣнъ, и при такой обстановкѣ въ которой могъ очутиться только онъ.

(Окончаніе будетъ).

На русско-турецкомъ фронтѣ. Крѣпость Баезидъ (Баязетъ), занятая нашими войсками.

Маскатъ. Набережная и главная часть города.

Гнѣздо пиратовъ — Маскатъ.

Очеркъ П. В. Нестерова.

(Съ 2 рис. на этой стр.).

Въ первыхъ числахъ января телеграмма изъ Дели (въ Индію) официально сообщила оъ удачно отбитой англичанами атакѣ, произведенной трехтысячнымъ отрядомъ арабовъ на столицу Оманскаго султана — г. Маскатъ. Гдѣ находится этотъ городъ и каково его отношеніе къ англичанамъ, не многимъ извѣстно, а между тѣмъ этотъ городъ по своему географическому и стратегическому положенію играетъ очень большую роль.

Маскатъ находится въ юго-восточномъ углу Аравійскаго полуострова, на южномъ берегу такъ называемаго Оманскаго залива, который, въ сущности, представляетъ собою часть Индійскаго океана (точнѣе — Аравійскаго моря), глубоко вдающагося между южнымъ берегомъ Персіи и упомянутой частью Аравійскаго полуострова. Этотъ городъ считается резиденціей Оманскаго султана, владѣнія котораго на Аравійскомъ полуостровѣ тянутся въ видѣ узкой полосы по берегамъ Аравійскаго моря, Оманскаго и отчасти Персидскаго заливовъ.

До самаго послѣдняго времени Оманскій султанъ находился въ вассальной зависимости отъ турецкаго правительства, — впрочемъ, болѣе номинально, чѣмъ по существу. Однако нѣсколько лѣтъ тому назадъ турецкое правительство, въ видѣ компенсаціи за предоставленіе Германіи концессіи на постройку Багдадской желѣзной дороги, переуступило англичанамъ свои права на султанатъ. Громадное политическое, стратегическое и торговое значеніе послѣдняго, по обыкновенію, вѣрно было учтено даніиными англичанами. И дѣйствительно, если бы даже нѣмцамъ удалось довести Багдадскую дорогу до Басоры, то англичане, владѣя Оманскимъ султанатомъ, все же закрывали имъ выходъ въ Индійскій океанъ. Главнѣйшій городъ султаната, Маскатъ, играетъ совершенно такую же роль для Персидскаго залива, какую играютъ Аденъ для Краснаго моря и Гибралтаръ для Средиземнаго. Маскатъ съ полнымъ правомъ можетъ быть названъ ключомъ отъ Ормузскихъ воротъ, чрезъ которые Персидскій заливъ соединяется съ Индійскимъ океаномъ. Этотъ городъ помѣщается въ глубинѣ обширной гавани, неизколѣпно защищенной природой съ трехъ сторонъ. Единственный ея недостатокъ — незащищенность со стороны Оманскаго залива; впрочемъ, вѣтры съ этой стороны бываютъ рѣдко и не достигаютъ значительной силы. Съ трехъ же другихъ сторонъ гавань защищена грандіозными, почти отвѣсными скалами. Несмотря на то, что Маскатъ находится какъ разъ на тропикѣ (тропикѣ Рака), горы, окружающія его гавань, вѣдѣтвѣе пологого отсутствія атмосферныхъ осадковъ, совершенно пустыни. Лишены даже слѣдовъ какой бы то ни было растительности.

Справа и слева по склону нидъ гаванью расположено нѣсколько крѣпостей, похожихъ на башни. Двѣ главныя крѣпости болѣе оригинальной постройки и расположены нечлотно впереди города. Эти крѣпости занимаютъ господствующее положеніе не только надъ городомъ, но и надъ гаванью. На одной изъ нихъ гордо развѣвается англійскій флагъ, на другой выступаетъ нѣсколько длиннотелыхъ, устарѣлыхъ и уже покрытыхъ ржавчиной пушекъ. Какъ пушки, такъ и сама крѣпость въ настоящее время заброшены, такъ какъ промѣ безчисленныхъ стай кошекъ

здѣсь никто не обитаетъ. Повидимому, англичане гораздо болѣе придаютъ значеніе небольшому стационару, который постоянно дежуритъ въ гавани. Этотъ стационаръ вооруженъ всего двумя маленькими пушками, экипажъ же его составляютъ лишь нѣсколько человекъ магросовъ, а между тѣмъ эта горсточка людей держитъ въ своихъ рукахъ не только весь городъ, но и весь султанатъ. Причина послѣдняго заключается въ томъ, что англичане прежде всего постарались обезоружить мѣстное арабское населеніе и подъ страхомъ смертной казни запретили ввозъ оружія. Благодаря столь строгимъ и неуклонно проводимымъ мѣрамъ здѣсь царитъ полный порядокъ, и поминутно на европейцевъ не приходится, а между тѣмъ еще совсемъ недавно населеніе занималось исключительно разбоемъ. На своихъ лодкахъ они лыныли по всемъ берегамъ, занимаясь главнымъ образомъ пиратствомъ. Если во время муссоновъ какое-нибудь судно пришло къ берегамъ, оно немедленно подвергалось разграбленію, а пассажиры — поголовному и притомъ безжалостному истребленію. Все мѣстное населеніе отъ мала до велика вооружено кривыми серповидными кинжалами; кривизна послѣднихъ какъ разъ соответствуетъ формѣ шен. Своимъ жертвамъ арабы неизменно отрезаютъ голову въ видѣ трофея. Эти кинжалы англичане оставили мѣстному населенію для послѣднихъ нуждъ, отобравъ только огнестрѣльное оружіе.

Самый городъ Маскатъ довольно значительныхъ размѣровъ, но скрывается среди скалъ и ущелий; только одной и притомъ узкой стороной онъ выходитъ на берегъ гавани. Эта часть города — лучшая и наиболѣе живописная; здѣсь нѣтъ нѣсколько красивыхъ каменныхъ двухъ-этажныхъ домовъ.

Въ прибрежной части города находится зданіе англійскаго почтамта, англійскаго госпиталя и одинъ изъ дворцовъ султана; дворцы у султана имѣются и въ другихъ частяхъ города, но все они, не исключая и перваго, очень скромны, невзрачны, вообще мало отличаются отъ другихъ зданій и обращаютъ на себя вниманіе только по присутствію многочисленной по-азиатски вооруженной стражи.

Весь городъ, особенно главная, лучшая его часть, изрѣзанъ многочисленными, до невозможности кривыми и чрезвычайно узкими улицами. Послѣднія мало оживлены, такъ какъ вся жизнь здѣсь, равно какъ и всюду на Востоку, сосредоточивается почти исключительно на базарной улицѣ и близъ нея. Европейцевъ здѣсь совершенно не видно, хотя надъ нѣкоторыми зданіями развѣваются англійскій, американскій, русскій и французскій флаги. Представителемъ Россіи здѣсь является агентъ Русскаго Общества Пароходства и Торговли — французъ по происхожденію, но уже принявшій магометанство и смѣнившій свой европейскій костюмъ на арабскій бурнусъ.

Въ противоположность арабамъ другихъ частей Аравіи, оманскіе арабы очень некрасивы, непривѣтливы, нелюдимы и кровожадны. Видно, что только сила англичанъ сдерживаетъ ихъ кровожадные инстинкты. При такихъ условіяхъ агентамъ турецкаго правительства, конечно, не трудно было поднестись противъ англійскаго протектората. Однако заблаговременно принятыя мѣры, — обезоруженіе населенія, запрещеніе ввоза оружія и усиленіе въ нужный моментъ военнаго отряда, а также умѣло использование естественныхъ укрѣпленій Маската для обороны, — дали возможность сравнительно небольшому англійскому отряду легко отразить дикую атаку трехтысячнаго скопища кровожадныхъ арабовъ.

Крѣпость города Маската, на лѣвомъ берегу гавани.

Редакторъ-изд. Л. Ф. Марксъ.

Редакторъ В. Я. Свѣтловъ.

судьбѣ, ихъ постигшей, сумѣла обнаружить высокую силу духа и нравственной красоты.

«Сегодня вечеромъ» — пишетъ Эльвстедъ — бельгійская королева опилъ въ Кала. Она прѣхала посѣтить раненныхъ. Она безпрерывно объѣзжаетъ лазареты между Булонью и Фюрнз, между тѣмъ какъ король все время остается среди своихъ солдатъ. Автомобиль королевы останавливается возлѣ новой рапуши, еще не законченной постройки. Въ верхнихъ этажахъ помѣщены раненные. Въ пустыхъ залахъ нижняго этажа завываетъ буря, врывающаяся въ незастѣнные окна. Населеніе не знаетъ о присутствіи королевы, и на улицахъ стоитъ обычный вечерній шумъ. Впереди королевы идетъ офицеръ. Онъ отворилъ дверцу автомобиля. Но, видимо ослѣпленная яркимъ свѣтомъ автомобильныхъ фонарей, королева вдругъ останавливается и стоитъ нѣсколько секундъ, прежде чѣмъ сѣсть въ автомобиль. На головѣ у королевы башлыкъ, на плечи накинута подбитая мѣхомъ пелерина. Она кажется такой маленькой въ своемъ черномъ одѣяніи. На лицѣ ея нѣтъ страха, она кткъ бы застыла въ великомъ недоумѣніи, а взоръ ея говоритъ, что она о чемъ-то постоянно думаетъ и не можетъ чего-то понять. Эти полные страданія женскіе глаза какъ будто ждутъ другихъ глазъ, которые мы съ содрогніемъ опускаемъ въ мракомъ Европы, — глаза матерей. О, эти открытые, безпомощные материнскіе глаза, не выдающіе нигдѣ утѣшенія, выражающіе одно лишь болѣзненное исканіе!»

Король Альбертъ. Когда главная квартира короля Альберта была еще въ Фюрнз, произошло событіе, рисующее душевный обликъ короля. Навстрѣчу гулявшему съ майоромъ Димсомъ королю попался отрядъ военнопленныхъ. Когда пленные поворачивались съ королемъ, одинъ изъ нихъ остановился и сказалъ:

— Ваше величество, я былъ прикамадированъ къ вамъ ординарцемъ во время пребыванія вашего величества въ Берлинѣ. Офицеръ назвалъ свой гвардейскій полкъ и свое имя.

Король молча протянулъ руку къ козырьку.

— Я очень счастливъ, что попалъ въ плѣнъ къ вашему величеству, — продолжалъ пруссака.

— Майоръ, — обратился король къ своему адъютанту: — передайте военнопленному, что я не завидую его императору, и что мои офицеры сдѣлаютъ въ плѣнъ лишь тогда, когда они ранены.

Поворнувшись, король быстро удалился.

Послѣдній бельгійскій городъ Городъ Фюрнз, находящійся въ пяти километрахъ отъ берега моря и въ семи километрахъ отъ французской границы, единственный бельгійскій городъ, въ которомъ не хозяйничали въ качествѣ завоевателей германцы. Газета «L'Indpendance Belge», издаваемая въ настоящее время въ Лондонѣ, упоминаетъ о томъ, что германцы не одинъ разъ проходили чрезъ Фюрнз, но лишь въ качествѣ военнопленныхъ. Въ городѣ приблизительно 6.600 жителей. Его нѣсколько разъ бомбардировали германцы. Отъ этихъ бомбардировокъ пострадали главнымъ образомъ оружейные посѣтки и предмѣстья. Большая часть жителей покинула городъ въ концѣ октября, во время боевъ у Изера. Теперь однако многие возвратились обратно, и среди нихъ бургомистръ. Въ настоящее время жители города остаются въ равнодушномъ къ пролетающимъ со свистомъ снарядамъ, которые нѣрѣдка попадаютъ еще въ эту сторону, а также къ постоянной канонадѣ, доносящейся издалека. Даже германскіе аэропланы «табее», нѣрѣдка появляющіеся среди облаковъ надъ городомъ, не наводятъ на жителей страха.

Жители Фюрнза не безъ основанія считаютъ свой городъ пылѣющимъ столицей Бельгіи. Вѣдь здѣсь король Альбертъ 2-го ноября принималъ президента Пуанкара, а 4-го декабря — англійскаго короля Георга. Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ Фюрнзъ былъ центромъ постояннаго передвиженія войскъ. Улицы города, когда-то такія тихія и пустынные, кишатъ теперь солдатами. Здѣсь войска отдыхаютъ, когда имъ не надо быть въ траншеяхъ. Здѣсь же можно видѣть англійскія войска, проходящія на позиціи.

Въ 8 час. вечера заправляются всѣ магазины и кафе, и тасяся всѣ огни. День и ночь по городу шныряютъ жандармы. Автомобильное движеніе въ городѣ и его окрестностяхъ очень большое. Каждую среду на рынкахъ съѣзжаются мѣстные крестьяне и торгуютъ сельскими продуктами. Вообще надо сказать, что жизнь въ этой маленькой бельгійской «столицѣ» протекаетъ тихо и мирно, и жители Фюрнза искренно благодарны судьбѣ, пославшей на ихъ долю, въ сравненіи съ другими ихъ соотечественниками, такую спокойную жизнь.

Пятьсотъ георгиевскихъ кавалеровъ. «Рус. Слово» сообщаетъ изъ Варшавы, что недавно одинъ изъ старыхъ нашихъ полковъ въ районѣ Бауры дважды атаковалъ непріятеля, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла. Натискъ былъ такъ неожиданнымъ и стремительнымъ, что около тысячи нѣмцевъ, побросавъ оружіе, сдались. Въ обоихъ случаяхъ непріятель потерялъ до 2000 убитыми. Командиру геройскаго полка вручено для раздачи пиллими чинами 500 Георгиевскихъ крестовъ.

Интернационализмъ — противъ нѣмцевъ. Извѣстный русскій политическій эмигрантъ князь Крапоткинъ выступилъ въ «Dépêche de Toulouse» съ интересной статьей, излагающей его взгляды на общеевропейскую войну.

«Истинные пацифисты — нѣмцы князь Крапоткинъ — должны бороться изо всѣхъ силъ, чтобы добиться окончательнаго уничтоженія прусскаго милитаризма. Для нашего поколѣнія это вопросъ жизни и смерти. Нельзя забывать, что идеалъ интернационализма есть идеалъ взаимопомощи націй и, какъ таковой, прямо противоположенъ космополитизму, годному для тевоновъ съ ихъ грезами о мировой германской имперіи, но непріемлемому для другихъ народностей, главнымъ образомъ для народностей романскихъ.»

«Именно интернационализмъ требуетъ нѣмѣ, чтобы всѣ цивилизованныя націи ополчились противъ могущественнаго врага, напавшаго безъ объясненія мотивовъ на маленькое государство: противъ Австріи, ищущей вѣдушить Сербію; противъ Германіи, распотѣвшей тяжестью своего права Бельгіи и Люксембурга.»

«Словомъ, въ Европѣ сейчасъ только два лагера — патристы и цивилизованная нація. Что касается меня, я примыкаю ко второму. Объ исходѣ войны я не могу быть двухъ мнѣній. Долгой и жестокой будетъ схватка — особенно на востоку, — но въ концѣ концовъ цивилизация побѣдитъ.»

Германцы распространяютъ ложь. Американская газета «New-York Tribune» сообщаетъ, что изъ Германіи была получена большая партія оберточной бумаги для магазиновъ. На верху каждой пачки по-англійски было напечатано:

«проезятъ смачивать». Когда это было исполнено, то на бѣлой бумагѣ выступили синія буквы, на желтой — черныя буквы. Выступившій текстъ обнаружилъ прокламацію объ успѣхахъ германскаго оружія въ Европѣ, при чемъ въ концѣ прокламаціи упоминалось, что Германія не желаетъ проливать столько крови и поэтому призываетъ къ чувству гуманности Америки, которая одна можетъ поддѣлать голосъ въ пользу мира. Однако политика германскихъ агентовъ въ послѣднее время такъ настроила американское общество противъ германцевъ, что прокламація, доставляемая въ Америку такимъ обманчивымъ способомъ, лишь усиливала негодованіе.

Германія и золото. Германское казначейство въ погонѣ за золотомъ пріѣхало къ крайнему мѣру. Во всѣхъ ломбардахъ секвестрованы не выкупленные золотыя вещи, и кассамъ ломбардовъ выданы обязательства произвести уплату за эти вещи по вольной цѣнѣ послѣ окончанія войны. Съ другой стороны сдѣлано распоряженіе, чтобы хранители музеевъ представили списокъ всѣхъ тѣхъ предметовъ, въ которыхъ находится золото. Списки эти уже представляются, и въ первую очередь былъ доставленъ списокъ золотого оружія, конской сбруи и рыцарскаго снаряженія, хранившихся въ берлинскомъ пейзажѣ и въ музеѣ рыцарскаго періода въ Кельнѣ. Въ настоящее время производится во всей Германіи перепись нитыхъ золотомъ церковныхъ одѣяній и украшеній и во всякой утвари, приносящейся при богослуженіи.

Протестъ германской гуманитарной лиги. «Я чувствую, что я нахожусь въ единеніи со всѣмъ германскимъ народомъ»; это — слова изъ новогодняго воззванія императора Вильгельма. Однако въ Германіи не все обстоитъ такъ благополучно, какъ это представляютъ официальные источники. Въ первые дни войны дѣйствительно все населеніе Германіи вѣрило въ возможность быстрой сокрушительной победы и тѣсно сплотилось вокругъ престола и арміи. Но теперь широкіе круги германскихъ бюргеровъ испытываютъ чувства гнетнаго разочарованія и утомленія затяжной войной.

Лучшимъ показателемъ этихъ настроеній германскаго общества является слѣдующее обращеніе германской гуманитарной лиги къ социалистамъ Европы и Америки:

«Императоръ и его военныя совѣтчики вернули германскій народъ въ пучину преступной войны. Нашъ народъ, обманутый своими вождями, съ закрытыми глазами выступилъ на борьбу противъ союзниковъ, которые не проясняютъ никакихъ признаковъ слабости и попрежнему остаются гегемонами въ своей рѣшимости изгнать изъ Бельгіи войска, проливающія кровь невиннаго народа. А вѣдь наши же правители когда-то поклялись защищать бельгійскій народъ.»

«Союзники, съ такимъ высокимъ подъемомъ рыцарскихъ чувствъ защищающіе поправленіе права Бельгіи, не угрожаютъ ли малѣйшей части германской территоріи. Товарищи рабочіе! Неужели и впредь вы будете оставаться безмолвными свидѣтелями этихъ неслыханныхъ преступленій? Неужели вы будете равнодушно взирать на кровавую бойню во Фландріи, Брантѣ, Эльзасѣ и Лотарингіи? Развѣ вы не дадите себѣ отчета въ томъ, что нашъ императоръ, убивая беззащитныхъ старцевъ, женщинъ и дѣтей, покрываетъ нашъ народъ неслыханнымъ позоромъ и что эта война унеситъ въ могилу тысячи рабочихъ, которые могли бы съ величайшей пользой работать для мираго прусскія народы?»

Это воззваніе, за подписью котораго ручается редакція лондонской газеты «Morning Post», заканчивается, по словамъ «Бирж. Вѣд.», указаніемъ на то, что мировая война за сравнительно короткій промежутокъ времени, т. е. за пять мѣсяцевъ, успѣла надѣлать столько вреда, что промышленность и торговля оправятся отъ ея губительныхъ послѣдствій не раньше, чѣмъ черезъ 50 лѣтъ. Заключительныя слова воззванія гласятъ, что человечество заинтересовано въ скорѣйшемъ уничтоженіи прусскаго милитаризма.

Гибель германскихъ «морсаровъ». Лордъ Крю въ засѣданіи палаты лордовъ заявилъ, что въ настоящее время изъ всѣхъ германскихъ крейсеровъ, находившихся въ открытѣ морѣ и занимавшихся нападешемъ на торговые суда непріятеля, остались на свободѣ только два, а именно «Дрезденъ» и «Карлсруэ». Изъ нихъ первый — судно сравнительно стараго типа (1907 года) и располагаетъ скоростью хода не болѣе 24 узловъ. «Карлсруэ», наоборотъ, является однимъ изъ новѣйшихъ типовъ; этотъ крейсеръ, вошедшій въ строй только годъ съ небольшимъ тому назадъ, по всей вѣроятности, до сихъ поръ еще можетъ давать до 27 узловъ хода. Отъ большинства другихъ германскихъ крейсеровъ «Карлсруэ» выгодно отличается тѣмъ, что имѣетъ вертикальную броневую защиту по борту. Кромѣ двухъ названныхъ крейсеровъ военнаго флота, Германія располагаетъ на открытѣхъ водныхъ путяхъ еще двумя только оставшимися вспомогательными крейсерами (вооруженными коммерческими пароходами) — «Кронпринцемъ Виттельсмаркомъ» и «Эйтель-Фридрихомъ». Всѣ остальные германскія суда, занимавшіяся крейсерскими операціями въ океанахъ, теперь уже или потоплены, или интерпрированы.

Нѣмецкая газета о русскомъ чаепитіи. Одна изъ крупнѣйшихъ газетъ въ Германіи и первая по значенію и распространенности въ Берлинѣ, «Berliner Tageblatt», напечатала недавно, для ознакомленія съ русскимъ «бытомъ», сообщеніе о томъ, какъ русскіе пьютъ чай. Вся эта записка, написанная «со словъ очевидца», представляетъ образецъ тѣхъ корреспонденцій изъ Россіи, которыя помѣщала и въ мирное время эта «серьезная» газета. Это описаніе представляетъ такой курьезъ, что мы рѣшили привести его въ переводѣ. Русскій человекъ, по словамъ «очевидца», пьетъ чай тремя способами. «Первый способъ, самый пріятный для русскаго, это — пить чай «съ прекускомъ» (s prekuskom). Пьющій держитъ кусочекъ сахара въ переднихъ зубахъ и вкормоно фильтруетъ черезъ этотъ кусокъ сахара дѣльный стаканъ чаю. Второй способъ, болѣе простой, это — пить чай «съ прилизкомъ» (s priliskom). Способъ этотъ заключается въ слѣдующемъ: съ потолка на веревочкѣ свѣшивается кусокъ сахара, и каждый изъ гостей, сидящихъ вокругъ стола, лжеть этотъ кусокъ, передъ тѣмъ какъ глотить чаю. Наконецъ, наиболѣе дешевый способъ пить чай, это — «съ придумкомъ» (s pridumkom), съ мечтаниемъ, — объясняетъ нѣмецкій авторъ и прибавляетъ: — Какъ познать русскій народъ! О сахарѣ, при этомъ способѣ пьютъ чай, только мечтаютъ.»

Далѣе газета сообщаетъ, что русскіе не считаютъ чай серьезнымъ напиткомъ. «Я ни разу не видѣлъ, чтобы русскій, передъ тѣмъ какъ выпить чаю, перекрестился бы, тогда какъ при одномъ видѣ бутылки съ водкой русскій многократно крестится, и, передъ тѣмъ какъ выпить рюмку водки, ру-

H H B A

THE
PASTOR
THE
BISHOP

И Н В А

И Н В А

И Н В А

И Н В А

И Н В А

